

02.98

24

Экран и сцена -
1998. - галерея (и др.) -
- с. 16.

Подстрочник

Предложение о работе над телефильмом

Нет страха сильнее, чем страх расставания.

Лиля сказала после поминок: «В нашей с Симой жизни было так много сказочного, что я всегда думала – хорошо бы она и кончилась, как в сказке: жили долго и счастливо и умерли в один день».

Деловитая, румяная мысль о том, что нужно бы поторопиться со съемками, не раз заставляла меня откладывать их. И потому, что противен ее цинизм. И потому, что не надо снимать кино ради памяти, памяти ему не заменить; может быть, вы тоже с удивлением замечали, как фотокарточки обедняют воспоминания. Но главное, – чем сильнее страх расставания, тем оно сомнительней. Такая спешка, пускай не журналистски хищная, а любовная, была бы предательством по отношению к чувству волшебной тайны жизни, которое я так хорошо знал в доме Лунгиных. Это чувство непостоянно, точней – редко, но узнав раз, понимаешь, что должен быть верен ему всегда.

- Ты веришь, что там что-то есть?
- Наверное, это мне легче по молодости.
- Сима тоже верил. Он не сомневался. А я... хотела бы верить.

Я предполагаю, что есть «там», потому что видел жизнь в этом доме.

Не знал бы их – не знал бы много лучшего и главного на свете.

Приз за лучшую книгу документальной прозы, который ежегодно присуждают читатели знаменитого французского журнала «Elle», – это сама книга, в тяжелой зеркальной обложке. Читая выгравированное на зеркале название, смущенный автор видит себя. Liliane Loungine, которую внимательные русские читатели знают как Лилианну Лунгину, не собиралась писать воспоминаний; вообще не собиралась писать. Французская журналистка, ее подруга, разговаривала с Лилей под магнитофон, стенографировала запись и выпустила бестселлер «Московские сезоны». Я спросил Лилю, почему бы не перевести книгу на русский, она ответила: по-русски нужно написать ее иначе.

Как иначе?

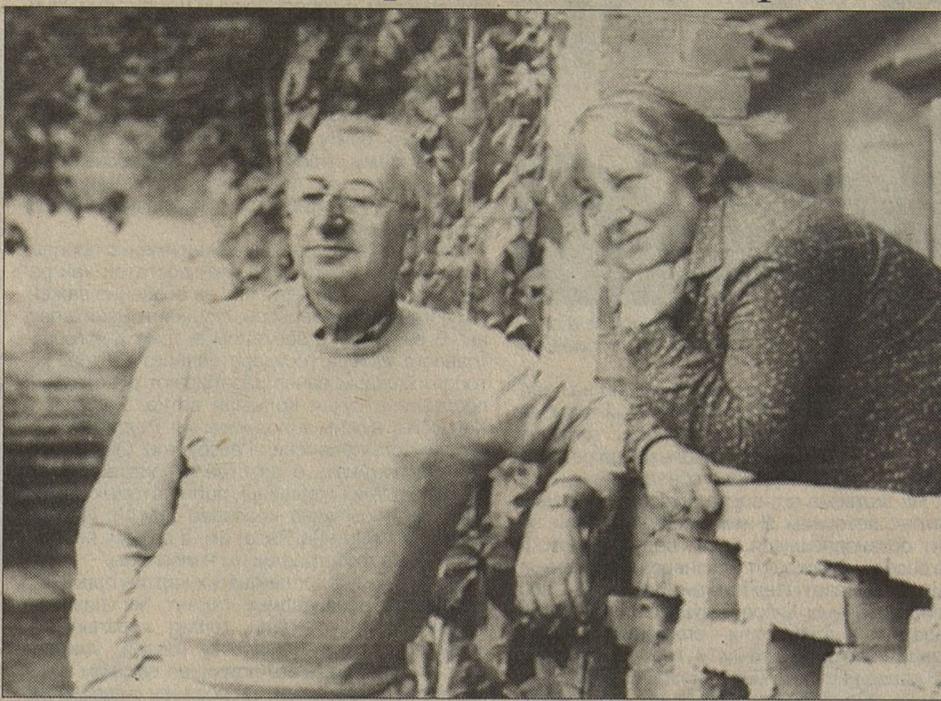
...Дедушка с бабушкой держали аптеку в Полтаве; кроме лекарств, там продавались игрушки и сласти. Во время погромов дедушка командовал еврейской дружиной самообороны, но это занятие ему быстро надоело, и в 1907 году с женой и семнадцатилетней дочерью он переехал в Берлин, а оттуда в Палестину. Здесь дочери стало скучно, и она вернулась в Россию, в Петербург. То был год депрессии, по стране катилась волна самоубийств: молодые люди как будто предчувствовали наступление страшного века. Девушка дала в газету объявление: организуется «Кружок одиноких», и у нее стали встречаться растерянные и отчаявшиеся; вместе было легче. Несколько лет назад знакомые показали Лиле в дневнике Александра Блока: «героическая Мария Либерсон создала кружок одиноких».

...Огромные ящики комода переполнены фотографиями, письмами, записными книжками: всё перепутано, как во сне. В тетради Марии Либерсон есть запись от пятого июля 1903 года. Вернувшись с выпускного вечера, на террасе полтавского дома три влюбленных гимназиста и три гимназистки фантазировали о том, что случится с ними в будущем. Один из мальчиков в четырнадцатом году пошел добровольцем на войну, воевал, попал в плен и три года провел у немцев. В семнадцатом он приехал в Петроград, нашел Марию, организовавшую тогда детский сад для детей, чьи отцы ушли на фронт, – и они поженились. Через три года в келье Смоленского монастыря, превращенного в общежитие для командированных инженеров и их семей, родилась дочь.

Если снимать долго, можно дожидаться мгновенья, когда рассказчик почти забывает о камере, когда он – иногда первый раз в жизни – чувствует необходимость глубоко, честно и точно высказать себя. Журналисты ошибаются, думая, что он рассказывает им. Потом так же ошибаются на свой счет зрители.

Такой рассказ может быть не хуже книги.

Отца послали торгпредом в Берлин, покупать машины у Круппа, жена и малышка

13 января не стало Лилианны Зиновьевны Лунгиной. В течение прошлого года сценарист и режиссер Олег Дорман и оператор Вадим Юсов сняли в доме Лунгиных несколько десятков тысяч метров документального материала для фильма «Подстрочник». Предлагаемый вниманию читателей текст написан в конце 1996 года и представляет собой заявку на будущий фильм.

поехали с ним. Зиновий Маркович был человеком чистым и искренним, романтическим коммунистом, за что его время от времени исключали из партии. Однажды он собирался в отпуск в Россию, когда позвонил телефон. «Я хочу с вами встретиться, – сказал отцу незнакомый мужчина. – Это имеет отношение к вашей судьбе». – «Кто вы?» – «Считайте, что хиромант». Они встретились в кафе. – «Не уезжайте. Вы не вернетесь». Отец решил, что это провокация. Мать умоляла не искушать судьбу. Он поехал.

Что подтвердил двадцатый век? Что нет жизни всех, – есть жизнь одного человека. Что только один в поле и воин. Что он сам и поле. Что порядочность существеннее свободы, равенства и братства. Мы, наверное, будем правы, заметив, что лилина жизнь глубоко и ясно выразила век, но не думайте, что от этого наш замысел значительней. Частное больше общего, оно включает общее в себя, – не наоборот.

Через месяц Лилия и мама встречали отца на вокзале, но он не приехал. Пришла телеграмма: «Задерживаюсь, подробности письмом». Письмо передали знакомые: перед отправлением поезда Москва-Берлин в купе зашли два чекиста и велели отцу выходить. Он был уверен, что это арест, но в НКВД только отобрали иностранный паспорт и сказали: вы нужнее здесь.

Мать была расстроена – и обижена: тем, что отец не послушался ее и уехал, этой его невыносимой преданностью большевикам. Она решила, что сумеет и одна. Взяла девятилетнюю Лилю и поплыли к бабушке в Палестину.

Трапов не спустили. Могучие арабы хватали пассажиров и бросали с палубы в лодки, где другие арабы ловили их.

Дед уже умер. Бабушка оказалась симпатичной гранд-дамой с прической и украшениями. Она жила на небольшой вилле с садом из пяти апельсиновых деревьев – приехав в Палестину, дед нашел способ опрестить колодцы и разбогател. Вилла называлась «Лили».

Сюжет этого фильма – не судьба, а воспоминание. Знаю, что многие предпочитают смотреть на извержение вулкана, а не на лицо, и тоскуют, если кадры меняются недостаточно часто. Это проблемы зрения. Только посмотрев рассказ на экране, мы

поймем, в какой художественной поддержке он нуждается. Думаю, что предстоят съемки в квартире Лунгиных, на московских улицах, в Берлине, Париже, Биаррице. Возможно, мы повторим некоторые главы лилиного рассказа, придя с ней на Гогенцоллернпляц, где началось детство (теперь на месте домика и сквера – зеркальные стены банка); посетив лицей недалеко от Монпарнаса – здесь и теперь лицей; встретившись со знаменитым историком Жан-Пьером Вернаном, который прожил полную любви жизнь с самой близкой подругой лилиного детства, дочерью русского эсера.

Не зная в точности, что мы будем снимать, я чувствую интонацию этих кадров: с такой ясностью и таинственностью предстанет во сне знакомые места и предметы, превращаются друг в друга, не удивляя, и кажется – сейчас откроется самая главная, давно предполагаемая и радостная тайна; разрозненное, случайное, далекое и мелкое предстанет совершенной картиной какого-то знакомого автора... очень знакомого... ну, конечно... как же его?..

Я думаю, фильм получится длиной в два с половиной часа – пять глав.

Пароход уходил в святую субботу. Преодолев сомнения, бабушка надела густую вуаль и поехала провожать.

Из Берлина перебрались в Париж. Не щадя меха единственной шубы, мама сделала несколько кукол и устроила кукольный театр. Играли втроем: она, Лилия, их подруга. На французском, русский репертуар. «Репку». Летом выезжали к морю, выступали перед курортниками в Ницце и Биаррице.

Отец писал из Москвы. Уходя на работу, отправлял дочери открытку: у Лилии их столько, сколько дней они не виделись. Жил он у брата, своей квартиры не было. Некуда было поставить раскладушку, и отец спал на письменном столе, – потому что обеденный был круглым.

На столе, заваленном журналами и книгами, как всё в этом доме, стоит полинявшая, но энергичная обезьяна в жилетке и польсевичем каракулевым паричке. Высокие часы в коридоре отмечают четверть глубоким бронзовым ударом без начала и конца, как будто долетевшим издали, и, чуть погодя, как заведено уже много десятилетий, настенные часы в гостиной под-

тверждают время в легком высоком мажоре. В кабинете смеется девочка и говорит по-французски, у Лилии урок. Этот дом построил перед второй мировой войной архитектор Лев Лунгин и получил в нем квартиру. Здесь в новогоднюю ночь сорок шестого года его сын Сима познакомился со студенткой ИФЛИ («Ты видел ту фотографию? Сними ее... Ну? Разве в нее можно было не влюбиться? Лиль! Разве можно было в тебя не влюбиться?.. Что я и сделал. – А кто тебя привел тогда, Лилия?»), и они не расставались никогда. За широкими окнами эркера в метели расплываются огни Нового Арбата, перед тоннелем трубит автомобильная пробка. В девяносто первом году там задавило юношу танком, и теперь над тоннелем памятник. В девяносто третьем здесь стреляли, и в центральном стекле пластырем крест-накрест заклеена дырочка от пули. Пулю искали по всей квартире, отодвигали старинный буфет, ломящийся от рукописей, смотрели за картинами, которые дарили хозяевам неизвестные и опальные, а ныне знаменитые авторы, снимали узкий прямоугольный зеленый абжур пятисвечного торшера, двигали могучие кресла, в которых сживали прекрасные люди века, и, конечно, заглядывали под уставленный фотографиями секретер, – но так и не нашли.

Однажды мама сказала: от судьбы не уйдешь, мы должны вернуться в Москву. Весной 1933 года через Германию ехать было уже нельзя, но нашелся поезд через Швейцарию. В переполненных вагонах веселились лыжники. Они вышли в Альпах, и стало тихо. Дальше состав шел пустым.

Пустяки, дело житейское; я красивый, умный, в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Лилианна Лунгина знает задачу, о какой литературный переводчик наверняка не смеет мечтать: выражения, переведенные ею, стали русскими народными поговорками. На Карлсоне воспитаны лучшие дети среди нескольких поколений советских детей. Иногда Астрид Линдгрен звонит Лиле: «Я прочитала в газете, как у вас трудно, и – только, пожалуйста, не обижайся, ладно? – я послала тебе в письмо сто долларов. Почему ты возмущаешься? – когда у нас будет плохо, ты ведь мне тоже пошлешь, да? Я рассчитаю. Кстати, уже прошло три месяца. У вас что, так плохо работает почта?»

Она перевела «Пеппи», Гофмана, Стриндберга, Ибсена, Бёлля, Фриша, Мориака, Колетт, Ибсена и Виана. Ее муж был известным драматургом, сочинившим, скажем, «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Внимание, черепаха!», «Розыгрыш», «Жил певчий дрозд» и «Агонию». Два их сына стали кинорежиссерами, и один уже знаменит.

Но значение этого дома еще больше того, что сами Лунгины сделали в литературе, театре и кино. Здесь всегда верили в добро и жили по этой вере. Приходя в этот дом, многие расправляли плечи.

На пограничном пункте Негорелое мама решила дать отцу телеграмму, и они вышли из вагона. На перроне, у самых колес и дальше, сколько видел глаз, лежали измученные голодом люди. Добраться до вокзала было невозможно. Девочка в синем пальто с золотыми пуговицами чувствовала на себе тяжелые взгляды, каких не встречала прежде. Она расплакалась. Мама увела ее в вагон и никак не могла успокоить. «Я не хочу туда, – повторяла девочка, – я не хочу туда ехать».

Огромная траурная фотография Симы так и стоит на буфете – напечатали много маленьких, но все разобрали друзья. Когда никто не видит, я заглядываю в темную гостиную, смотрю на фото и думаю: как ему тут одиноко среди этих цветов... И мне становится стыдно и смешно: разве он – тут, на листе бумаги? И разве мы расстаемся, когда я ухожу из его дома? Разве на самом деле что-то исчезает? – нет, – это наше зрение пока несовершенно.

Олег ДОРМАН

ОТ РЕДАКЦИИ: Студия «Софир-Союзреламфильм» ищет средства для завершения работы над фильмом. (Продюсер Марк Аронов.)

● Лилианна Зиновьевна и Семен Львович ЛУНГИНЫ

Лилианна Зиновьевна Лунгина